

Однажды ночью состояние главного героя по имени Лю Хань в одном весьма щекотливом вопросе оставляло желать лучшего. Когда он мыл руки в общественном туалете университетского общежития, в него угодила странная фиолетовая молния. И угодила-то по той причине, что учебное заведение было настолько нищим, что у него не нашлось средств на установку громоотвода на здании общежития. Ну разве это не возмутительно?!

Переместившись в свой первый сказочный мир, он понял, что его картина мира трещит по швам. Лю Хань: Почему те, кто по идее должен быть главными героинями, теперь все парни?! Система: Будда изрек: об этом нельзя говорить. Лю Хань: Ладно, но я хочу спросить: почему в каждом мире мне попадаются геи?! Причем такие, которые раньше были натуралами до мозга костей! И что еще страшнее, среди них попадаются главные героини женских романтических романов! Система: Хозяин, у вас недостаточно прав, система не может ответить на ваш вопрос. Лю Хань: Да пошло оно всё! Освид: Не переживай, ты будешь только моим. [Подхватывает Лю Ханя на руки и уносит] Лю Хань: Эй-эй-эй! Кто тут чей?! А ну опусти меня!!!

Синдерилла (Часть 1)

Глава 1. Перемещение

Переместившись прямо из университетского общежития, Лю Хань вместе с соседями по комнате как раз смотрел фильм для взрослых, от которого у них закипала кровь. Прошло около часа, прежде чем кино подошло к концу. Несколько соседей сжимали в руках бумажные салфетки — неизвестно даже, что они ими вытирали, — а затем швырнули их в мусорное ведро. Лю Хань же отнюдь не разделял их восторга.

Потому что он с самого утра чувствовал себя не в своей тарелке: всё в его теле ныло и казалось чужим, даже от просмотра фильма не было никаких ощущений. Если бы не тот факт, что в обычные дни он чувствовал себя прекрасно, ел с аппетитом и на всё смотрел с энтузиазмом, он бы уже решил, что с ним покончено.

Именно из-за его странного состояния соседи и решили включить кино, чтобы отвлечь его, но это не помогло ни капли. Вялый Лю Хань поднялся на ноги, собираясь сходить в туалет, а затем как следует выспаться. Когда он положил руку на дверную ручку, за окном зашуршал дождь, который быстро перерос в ливень.

Пока он шел по коридору, прогремело несколько раскатов грома, и промелькнула вспышка молнии. В самом конце коридора находился туалет. Лю Хань медленно вошел внутрь, расстегнул ширинку, с шуршанием справился с нуждой, снова застегнул брюки и направился к рамыть руки.

По небу полоснула фиолетовая молния.

Этот университет в лучшем случае можно было назвать третьесортным. Лю Хань поступил сюда лишь потому, что сам не хотел усердно учиться. На самом деле у него была светлая голова, просто он слишком ленился, думая, что хватит и какого-нибудь диплома о высшем образовании, вот и угодил в этот захудалый вуз. Если бы на государственных экзаменах он постарался хоть чуть-чуть сильнее, то вполне смог бы поступить в первоклассный университет,

но теперь об этом оставалось только жалеть.

Главным же недостатком школы было полное отсутствие громоотводов (ходили слухи, что на них просто не хватило бюджета — до чего же нищее место). И хотя раньше не было никаких новостей о том, что кого-то из студентов убило молнией, несчастные случаи всё же случались, и на сей раз подобная неприятность приключилась с мывшим руки Лю Ханем.

Лю Хань, занятый мытьем рук, не обращал внимания на грозу за окном, поэтому он даже не успел отреагировать, как почувствовал по всему телу онемение, после чего погрузился во тьму.

Во тьме прошло немало времени, прежде чем Лю Ханя вырвала из забвения жгучая боль. Распахнув глаза, он пережил короткий миг расфокусировки, а когда зрение привыкло к свету, постепенно проступившая вокруг картина заставила его остолбенеть.

Какого чёрта, что это за разваливающаяся деревянная лачуга?!

Тело не позволяло ему слишком долго предаваться удивлю, причиняемая боль заставила опустить голову и осмотреть раны, принадлежавшие вовсе не его прежнему «я». Да, Лю Хань уже понял, что наконец-то последовал модной тенденции и угодил в попаданцы, причем переместился душой. Стоит признать, способностью адаптироваться к обстоятельствам он обладал неплохой. Однако нынешняя ситуация складывалась скверно: судя по всему, прежнего хозяина этого тела замучили до смерти, а он сам угодил внутрь и занял его место.

Оглядев крошечную ветхую хижину, а затем взглянув на собственную разодранную одежду, Лю Хань отчетливо ощутил всю глубину злобы этого мира по отношению к нему. Скрип! Дверь хижины снаружи кто-то отворил. Судя по всему, палачом был именно этот человек. Превозмогая боль, пронзившую все его покрытое ранами тело, Лю Хань поднял голову и посмотрел на вошедшего.

Перед ним стоял парень на вид лет двадцати. Увидев его лицо, Лю Хань молча опустил взгляд. Не спрашивайте, почему он снова уставился в пол — вовсе не потому, что парень оказался слишком уродливым, а потому, что каштановые волосы и серые глаза незнакомца смертельно его напугали. Да это же самый настоящий иностранец!

Будучи уроженцем Китая двадцать первого века, Лю Хань не просто угодил в попаданцы — его занесло в другую страну! И как теперь жить человеку, абсолютно слепому в английском языке?! Однако стоило этому парню заговорить, как Лю Хань выпал в осадок: Теодор, каково это — быть избитым плетью?

Безусловно, этот молодой человек говорил на чистейшем английском, но самое главное — сам Лю Хань, человек, который едва ли мог вспомнить хотя бы половину из двадцати четырех букв алфавита, каким-то чудом всё понял! Это зрелище напугало его похлеще любого кошмара. Лю Хань не стал отвечать парню. Теперь он знал имя этого тела, но открывать рот не смел: хотя он всё понимал, он не был уверен, умеет ли говорить по-английски. На всякий случай он притворился, что боль слишком сильна, и пластом распластался на земле.

Парень ни капли не разозлился на молчание Лю Ханя и с усмешкой произнес:

— Ха, похоже, тебя так приложило, что и слова не вымолвить? Хм, на этот раз я тебя прощаю, но если вздумаешь снова отлынивать — смотри, перелломаю руки!

Парень вышел из деревянной хижины и, обернувшись на пороге, приказал:

— Живо поднирайся и принимайся за уборку! — и удалился, даже не оглянувшись.

Лю Хань тут же с облегчением выдохнул, медленно поднялся на ноги и какое-то время молчал. В этот момент дверь хижины снова отворилась. У Лю Ханя уже не было сил гадать, кто там пожаловал, но, подняв глаза и увидев крадущуюся внутрь златокудрую девочку, он замер. Это ещё кто?

В руке девочка держала корзиночку, в которой лежали ножницы, моток ткани и бутылка воды. Оглядевшись у порога, она тихонько притворила дверь и повернулась к Лю Ханю. Девочка присела на корточки и принялась выкладывать вещи из корзины:

— Братец, ты как? Дай-ка я посмотрю на твои раны.

С этими словами она приподняла руку Лю Ханя, закатала рукав и принялась промывать порезы.

— Старший брат просто ужасен! Каждый раз так тебя бьёт, да ещё и заставляет работать, не давая ни минуты на отдых, он такой плохой! — причитала она, роняя слёзы.

На этот раз Лю Ханю пришлось заговорить — больше всего на свете он не выносил девичьих слёз:

— Братец в порядке, я уже привык...

Поколебавшись, он принял твердое решение и воспользовался самым избитым оправданием из романов о попаданцах:

— На самом деле... братец кое-что позабыл. Наверное, старший брат сильно стукнул меня по голове. Не расскажешь, что тут к чему?

Нечего и сомневаться, изъяснялся Лю Хань на чистейшем английском, мгновенно ощутив себя невероятно крутым — ну разве не красавчик?

Девочка испугалась:

— К-как же так?! Б-братец меня не узнает? Я твоя сводная сестра, Синдерилла!

Погодите-ка, он что, расслышал правильно? Синдерилла? Разве это не Золушка? Разве у Золушки были братья? С каких это пор?

— Ладно, Синдерилла, братец действительно ничего не помнит. Расскажи мне обо всём, что происходит в доме.

Во всяком случае, нужно сохранять спокойствие.

Синдерилла принялась рассказывать о положении дел в семье. Когда она наконец закончила, Лю Хань окончательно убедился, что угодил прямиком в сказку о Золушке. К его величайшему удивлению, персонажи не просто живыми людьми стояли перед ним — что ещё страннее, две сестры Золушки куда-то испарились, а вместо них появились два брата. Как такое вообще возможно?

Синдерилла с беспокойством посмотрела на брата:

— Братец, ты случайно ничего не вспомнил?

Лю Хань покачал головой:

— Прости, память ко мне не вернулась.

Синдерилла слегка разочаровалась:

— Вот как... Ну ладно, не буду заставлять тебя вспоминать, давай просто справляться со всем вместе.

Лю Хань кивнул:

— Угу.

Из рассказа Синдерилле Лю Хань уяснил общую обстановку в семье. Прежде всего, всё было как в сказке: после смерти матери Синдериллы её отец привёл в дом мачеху Кэтрин, а вскоре отец Синдериллы тяжело заболел в дороге и скончался. Вот только в отличие от книги, сестры превратились в братьев: старший, Тодд, отличался скверным и жестоким нравом, а второй брат — то есть Хиодор, в тело которого и вселился Лю Хань, — был робким и слабохарактерным, из-за чего вечно страдал от издевательств Тодда. Самым же неожиданным оказалось то, что Хиодор вовсе не был родным сыном Кэтрин — она усыновила его из приюта.

Поэтому после смерти отца Синдериллы Кэтрин вместе со своим сыном Тоддом принялись жестоко третировать Хиодора и Синдериллу. Но теперь всё изменилось: в теле Хиодора поселился Лю Хань, а значит, он никому не позволит обижать ни себя, ни доставшуюся ему сестрёнку. Он непременно жестоко отомстит обидчикам — хотя бы в память о прежнем Хиодоре.

Синдерилла закончила перевязывать раны Лю Ханя и сложила всё обратно в корзинку. В этот момент дверь хижины со злостью распахнули ударом ноги:

— Хиодор! Какого чёрта ты там копаешься?! Ты что, оглох, я же велел тебе за работу браться!

Имя обладателя этого голоса было излишне называть — это, конечно же, был противный Тодд.

Лю Хань холодно ответил:

— Прости, я сейчас плохо себя чувствую и работать не могу.

— Чего ты сказал?! — взъярился Тодд, услышав такое. — Повтори! Ты посмел мне перечить?!

— Ты оглох? — Лю Хань нахмурился. — К тому же, хотя мы не связаны кровным родством, я всё же твой младший брат, а не слуга.

— Ха! Мой младший брат? Ты, грязная крыса, вылезшая из приюта, и возомнил себя моим братом? Хватит тешить себя несбыточными мечтами. Лю Хань усмехнулся:

— Я — грязная крыса, а ты? Ты тогда кто такой? Разве брат грязной крысы — не крыса?

— Ах ты! — Тодд покраснел до корней волос и от гнева едва мог говорить.

Он крутанулся на месте, схватил палку и замахнулся на Лю Ханя. Родное тело прежнего владельца уже было избито плетью и находилось в крайне слабом состоянии, поэтому увернуться он не успел: Тодд одним ударом палки оглушил его. Синдерилла в ужасе даже не могла закричать — ей оставалось лишь с замиранием сердца смотреть, как Лю Хань падает на землю и замирает без движения.

Тодд тоже испугался, особенно когда заметил багровую лужицу крови, сочащуюся у головы Лю Ханя. От страха он тут же отбросил палку в сторону. Синдерилла в панике подбежала, опустилась на колени рядом с Лю Ханем и прижала пальцы к его носу: слабый тёплый воздух шел наружу, значит, он был ещё жив.

Тодд метался из стороны в сторону, совершенно потеряв голову от страха, и вдруг рывкнул на Синдериллу:

— Слушай сюда! Сейчас мы вытащим Теодора отсюда и бросим в лесу!

Выкрикнув это, он присел на корточки и принялся поднимать безвольное тело.

— Н-но разве мы не должны сначала сказать мачехе? Вдруг брату станет хуже?

Тодд рассвирепел от стыда и злости:

— Мать об этом знать не смеет! Если она потом спросит, скажем, что он ушёл за материалами! Уяснила?! Ни единого слова матери!

С этими словами он ухватил Лю Ханя за ноги, но, обернувшись, увидел, что Синдерилла не сдвинулась с места.

— Ты чего стоишь, жить надоело? — он пнул девочку ногой.

Синдерилле оставалось лишь послушно шмыгнуть носом, подползти и помочь Тодду тащить Лю Ханя. Слезы, однако, никак не удавалось остановить, и Тодд окончательно вышел из себя:

— Рвешь тут ревёт, чего удумала, а ну заткнись!

Синдерилла испуганно зажала рот, сдержала слёзы и смиренно принялась за тяжёлую работу.

Вдвоём они вынесли Лю Ханя через калитку в задней части усадьбы и вошли в зеленеющий лес.

Тодд выбрал подходящее место и велел Синдерилле оставить Лю Ханя здесь — не слишком глубоко в лесу, чтобы не заблудиться, но и не на самом виду. Уложив его, Тодд потащил прочь оглядывающуюся Синдериллу, оставив Лю Ханя лежать в низкорослой траве.

Вернувшись домой, оба чувствовали себя так, будто на сердце лежал тяжёлый камень; за что бы они ни брались, всё валилось из рук. Мачеха заметила неладное, бросила пару вопросов, но, не добившись ответа, не стала копать глубже. На душе у Тодда отлегло, но сердце Синдериллы с каждым часом становилось всё тяжелее.

Около трёх-четырёх часов пополудни в тот самый лес, куда выбросили Лю Ханя, въехал отряд всадников. Во главе процессии двигался красивый молодой мужчина лет двадцати. Короткие светлые волосы с серебристым отливом, пронзительные серо-голубые глаза, прямой нос, тонкие бледные губы, безупречно гладкая кожа и ладно скроенная фигура, обтянутая элегантным костюмом для верховой езды. Он восседал на белом коне, держа в руках изящный лук со стрелами — вылитый принц на белом коне.

Оуэн вёл отряд всадников сквозь густые заросли. Несколько человек позади тоже держали наготове луки: судя по всему, они охотились. На одежде каждого из них красовался одинаковый герб — знак королевской семьи.

Сквозь густую листву пробивались лучи солнца, в лесу стояла тишина. Вдруг резкий свист разорвал воздух, нарушив безмятежную атмосферу. Автором этого шума стал не кто иной, как Оуэн — тот самый принц на белом коне, поднявший лук. Там, где свист оборвался, в земле торчало оперенное древко стрелы со следами крови, а рядом колыхались от редких порывов ветра стебли травы. Впереди, в глубине чащи, мелькнула лишь ускользающая тень.

Оуэн пришпорил коня, стремясь настигнуть скрывшуюся тень, и остальные всадники бросились за ним вглубь леса. На беду, добыча двигалась слишком быстро, и отряду пришлось рассредоточиться в надежде окружить раненого зверя.

Мчавшийся впереди всех Оуэн заехал слишком далеко и был вынужден осадить коня: забираться ещё дальше в чащу, а потом искать выход было бы слишком опрометчиво.

Он развернул коня и поехал в другую сторону, уже не надеясь добыть крупного оленя, а рассчитывая подстрелить хотя бы пару зайцев. Внимательно высматривая дичь, он вдруг заметил краешек ткани, ярко выделявшийся среди низких кустов.

Кто-то здесь?

Задумавшись над этой возможностью, он осторожно подъехал ближе. Ткань, скрытая под зарослями, постепенно проступила отчётливее.

Как он и предполагал, в траве действительно лежал человек. Спрыгнув с седла, Оуэн подошёл ближе, и его взору предстало мальчишеское лицо.

Оуэн обнаружил не кого другого, как нашего товарища Лю Ханя. Глядя на лежащего перед ним парня с каштановыми волосами, молочно-белой кожей, изогнутыми светлыми бровями, длинными загнутыми ресницами, маленьким круглым носом и розовыми губами, он подумал, что тот выглядит едва ли повзрослевшим.

Откуда у него столько ран?

Оуэн нахмурился: если бы грудь юноши едва заметно вздымалась, он бы решил, что тот мёртв. Подхватив Лю Ханя на руки, Оуэн усадил его на Дуру так звали белого коня, запрыгнул в седло сам, прислонив Лю Ханя к своей груди, и легко тронул коня шпорами. Белый скакун умчал их прочь, унося обоих.

Когда Оуэн выехал к опушке леса, его уже ждали люди с добычей. Крупный мужчина во главе отряда сидел верхом на коне и слегка кивнул в знак приветствия, но, заметив человека на руках у принца, чуть замедлил шаг:

— Ваше Высочество, это кто?

Оуэн опустил взгляд на Лю Ханя:

— Нашёл в лесу. Увидел, что он ранен, и решил забрать с собой.

Крупный мужчина понимающе кивнул:

— Хорошо, Ваше Высочество, возвращаемся в замок.

Оуэн кивнул:

— Выступаем!

Мужчину звали Уорд, он был главным рыцарем из ближнего круга Оуэна и повсюду сопровождал его для охраны, не пропустив и эту охоту. Уорда можно было назвать молочным братом принца — они росли вместе с малых лет, и, разумеется, мало кто мог похвастаться столь же крепкой дружбой. К тому же Уорд понимал Оуэна лучше всех на свете.

Нагруженный добычей отряд триумфально возвращался назад. Примерно через час езды они достигли внешних ворот замка. Стражники у входа, заметив возвращение принца, поспешно бросились принимать добычу и распахнули массивные створки.

Поддерживая впереди себя Лю Ханя, Оуэн проехал мимо фонтана у входа и остановился у внутренних ворот. Спрыгнув с коня, Уорд опередил его, подхватив Лю Ханя, чтобы тот не выпал из седла, а затем бережно опустил на землю.

Оказавшись на ногах, Оуэн отдал распоряжение одному из стражников:

— Немедленно приведи лекаря в мои покои.

— Слушаюсь, Ваше Высочество, — ответил стражник, почтительно поклонился принцу и побежал в сторону лечебницы.

Распорядившись, Оуэн повернулся и зашагал к дворцу:

— Уорд, за мной.

— Есть, — Уорд взвалил Лю Ханя на спину и последовал за Оуэном.

Пройдя по коридорам довольно значительное расстояние, Уорд всё же не выдержал и спросил:

— Ваше Высочество, почему вы привели этого человека именно в свои покои? Разве для гостей

нет специального зала?

Оуэн бросил на идущего позади Уорда косой взгляд:

— Не твоего ума дело.

Уорд поджал губы и замолчал.

Поднявшись на второй этаж, они повернули вправо по коридору и остановились у самой последней двери. Оуэн отпер комнату, и Уорд со спящим ношей на спине вошёл следом. Пересёкшись с просторной комнатой, Уорд направился прямо к широкой кровати Оуэна, осторожно уложил туда Лю Ханя, стянул с него грязную верхнюю одежду и штаны, а затем накрыл одеялом.

Едва он закончил, в дверь постучали. Оуэн открыл её: на пороге стоял мужчина с небольшим медицинским чемоданчиком в руках — очевидно, это и был лекарь. Поклонившись принцу, он поинтересовался:

— Ваше Высочество, кто-то из вас плохо себя чувствует?

Оуэн покачал головой:

— Не я. Это мальчик, которого я случайно подобрал по дороге. Проходите.

Лекарь кивнул и вошёл в комнату. Оуэн закрыл за ним дверь и тоже последовал внутрь.

Присев на краешек постели, лекарь внимательно осмотрел раны, после чего кивнул Оуэну, давая понять, что всё осмотрел, и поднялся на ноги:

— Ваше Высочество, раны на теле этого ребёнка не опасны для жизни — лишь следы от ударов плетью и пинков.

Он замолк и нахмурился:

— Однако удар тяжёлой палкой по затылку привёл к сильной кровопотере, положение довольно серьёзное. К счастью, я здесь, и время ещё не упущено. Судя по характеру повреждений, травмы получены ещё утром. Глядя на старые и новые шрамы на теле мальчика, можно заключить, что его регулярно истязали. — С этими словами он покачал головой.

Выслушав лекаря, Оуэн почувствовал неприятный холодок в груди: как этот мальчик вообще выживал? Нахмурившись, он произнёс:

— Спасибо, лекарь. Дальшему лечению буду только рад.

Лекарь дал ещё несколько наставлений:

— Ваше Высочество, прошу вас запомнить то, что я скажу. Мальчик накопил слишком много травм, тело крайне истощено. Хотя раны на голове и теле уже затянулись корочками, расслабляться рано. Я оставлю мазь для наружного применения и сбор для восстановления сил. Питание должно быть лёгким, лучше всего варить ему рыбный бульон.

Оуэн кивнул, мысленно всё запоминая.

Лекарь добавил:

— Если вам неудобно за ним ухаживать, его можно перевести в лечебницу.

Оуэн покачал головой:

— Не нужно. Раз я сам привёл его сюда, то и заботиться о нём буду сам.

Лекарь кивнул:

— Как скажете.

После этого он порылся в своём чемоданчике, достал баночку мази, пузырёк с лекарством для восстановления, а также листок бумаги и перо. Быстро набросав что-то, он передал записку Оуэну.

Внимательно изучив рецепт, Оуэн положил его на прикроватную тумбочку и поблагодарил лекаря. Закончив дела, лекарь удалился, а Уорд остался стоять неподалёку, ожидая дальнейших приказаний.

<http://bllate.org/book/21635/2232433>